

Подъѣзжаетъ розудалой къ широку двору,
 Встрѣчаетъ розудалова молода жона
 Въ своей бѣлой сорочкѣ и безъ кофточки,
 Въ своихъ вязаныхъ чулочкахъ и безъ тюфелекъ.
 Вынимаетъ розудалой саблю вострую,
 Срубаетъ розудалой жонѣ голову.
 Покатилась голова конякъ подъ ноги.
 Пошелъ же розудалой широкимъ дворомъ:
 Воронѣ то кони стоять всѣ обрешены,
 Молодыѣ то люди спать всѣ успокоены,
 Пошолъ же розудалой въ нову спаленьку—
 Сво милоѣ дига лѣжить укачано..

А. Балмоу.

Г. Пошехонск.

Говоръ Павловичной волости Могилевскаго уѣзда

Въ данномъ говорѣ звукъ *а* подвергается измѣненію только въ *ы* въ союзѣ «да» и во всѣхъ прошедшихъ отъ соединенія съ нимъ словахъ, напр. дыкъ, тады и т. п.

Гораздо въ большихъ случаяхъ подвергается измѣненію звукъ *е*. Онъ именно измѣняется въ *а*, *и* и *я*. Относительно того, въ какихъ случаяхъ онъ измѣняется въ эти другіе звуки, можно судить по одному общему признаку—отсутствію ударенія на немъ. А въ частности, въ *а* онъ переходитъ послѣ *ж*, *ч*, *ш* и *щ*, напримѣръ *жафенный*, *чаго*, *шарстяный*, *щадрость* и т. п. Въ *и* переходитъ онъ послѣ всѣхъ согласныхъ, если удареніе стоитъ впереди его, главнымъ образомъ послѣ предшествующей мягкой согласной, а въ *я*,—если оно стоитъ послѣ, наприм.—*подиля*, *перстань*, *на берези*, *пясокъ*, *на бярѣзи* и т. п. Говоря объ этомъ звукѣ, необходимо сказать, когда онъ произносится за *ѣ* противъ великорусскаго нарѣчія и когда, наоборотъ, не произносится. Произносится онъ въ слѣдующихъ случаяхъ: въ творит. един. числа, въ дат. и предд. падежахъ именъ существ. мн. числа, напр. *гастѣма*, *у гастѣхъ* и т. п.; на концѣ, 2 лица мн. числа изъяв. накл. наст. вр. и будущаго—иногда если на немъ удареніе, напр. *жнитѣ'* *адолжитѣ'* и т. п. А во 2 и 3 лиц. изъяв. накл. наст. вр. и на концѣ родит. падежа женск. рода ед. числа мѣстоименіемъ 3 лица не произносится за *ѣ*, напр. *жнешь*, *яе*.

И переходитъ въ *й* всегда, если стоитъ въ началѣ слова послѣ слова, оканчивающагося на гласную, и въ союзѣ «и», но не переходитъ въ *е* и *я* въ тѣхъ случаяхъ, почти во всѣхъ, въ которыхъ великорусское нарѣчіе измѣняетъ его въ указанные звуки, напр. *на Ивана* (праздникъ), *тый яю возьмишь ли*, а не *лей*, *ни*, а не *пей*, *шювог*, не *шюю*, *чѣе*, а не *чье* и т. п. При этомъ замѣтить что этотъ звукъ ставится въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, начинающихся съ нѣсколькихъ согласныхъ, напр. *ирваог*, *ирза шювог* и т. п.

О переходитъ въ *а* всегда, когда только нѣтъ въ словѣ ударенія на *о* напр. карѡва дачка и др. Только въ окончаніи уменьшительныхъ словъ „очка-и“ вмѣсто звука *о* слышится *ы*, наприм. *татычка*, *састдычка*, *зусычка* и т. п., и въ окончаніи предд. падежъ ед. числа муж. и средн. родовъ, напр. *объ добрымъ сылѣ*, *объ зяленомъ платцѣ*. Потому многія слова, начинающіяся съ этого звука, принимаютъ придыханіе—*в*, напр. *оакно*, *войстрый*, *войстройчѣ*, *воцитѣ* (укусъ) и т. п.

У также подвергается только что указанной особенности, напр. *сурока, сублила* и др. Других же измѣненій съ этимъ звукомъ не бываетъ.

Б, если на немъ нѣтъ ударенія, также терпитъ измѣненія, а именно: въ началѣ словъ онъ всегда замѣняется звукомъ *л*, напр. *язока, ядуна*. Въ *я* онъ переходитъ и въ серединѣ, но это бываетъ въ немногихъ словахъ, напр. *инядо, сядло* и нѣкоторыхъ другихъ, а больше всего въ данномъ мѣстѣ онъ переходитъ въ *и*, въ который онъ переходитъ и на концѣ словъ, напр. *жэлизнякэ, цвила, беда, у дароци* и т. п. Впрочемъ, объ измѣненіи даннаго звука въ серединѣ должно сказать то, что онъ иногда въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ и словахъ переходитъ и въ *я* и въ *и*, наприм. *беда* въ им. пад., а въ род. — *бяды* и т. п. Крімъ того послѣ звука *р* онъ замѣняется звукомъ *и*, напр. *свираность, рачмаіа* и др.

БІ имѣетъ только ту особенность, что не измѣняется въ *о* тамъ, гдѣ онъ въ великорусскомъ нарѣчій измѣняется, напр. *крыю*, а не *кרוу, крутый*, а не *крутой, мыю*, а не *моу* и т. п.

Б обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что очень часто въ серединѣ словъ выпадаетъ, вмѣсто чего предыдущій согласный звукъ удваивается, напр. *куття, ноччу, лисся, ллю* и др.

Согласные *г* и *р*, имѣютъ особое произношеніе.

Что касается перваго, то онъ всегда произносится мягко, какъ въ славянскомъ языкѣ и какъ въ латинскомъ языкѣ звукъ *h*. Другой звукъ *р* произносится какъ разъ наоборотъ. Ему чужда всякая смягчаемость, вслѣдствіе чего тамъ, гдѣ въ великорусскомъ нарѣчій послѣ *р* слышится *я* или *и-і* или *е-ѣ* или *ю*, въ данномъ говорѣ являются звуки твердые—*а, ы, э* и *у*.

В имѣетъ мягкое произношеніе въ двухъ случаяхъ. Разъ,—когда онъ замѣняетъ звукъ *л* въ серединѣ послѣ гласныхъ, напр. *повный*, а другой разъ,—когда замѣняетъ его въ прошедшемъ времени ед. числа мужскаго рода, изъявительнаго наклоненія, напр. *я стараяся*. Въ данныхъ мѣстахъ этотъ звукъ произносится вмѣсто обыкновеннаго достаточно твердаго прижиманія верхней внутренней части нижней губы къ оконечностямъ зубовъ верхняго ряда только посредствомъ быстрога полуприкосновенія первой къ послѣднимъ. Такое произношеніе даннаго звука, между прочимъ, дало поводъ нѣкоторымъ на мѣсто его помѣщать гласный *у*, но *я*, по крайней мѣрѣ по отношенію къ данному говору моей родины, справедливымъ признать этого не могу. Этимъ звукомъ онъ замѣняется въ слѣдующихъ только случаяхъ: въ предлогѣ «въ» въ отдѣльности и въ связи его съ другими словами, больше съ глаголами, напр. *у йсточци, у таку, узлезэ, узарвава, укусуа* и т. п. мѣстоименіи весь (увесь): *ўся, усе, усяю, усей, усяму, усей, усима, усей, аба усѣмэ, абэ усей, уси, усихэ* и т. д., и въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, напр. *удова, ую* и т. п. Потомъ относительно этого звука нужно сказать то еще, что онъ часто ставляется между двумя гласными, какъ въ серединѣ словъ, такъ и въ началѣ послѣ оканчивающагося на гласную слова для избѣжанія hiatus-а, напр. *ни воднаго павука* и т. п.

Звукъ *ж* имѣетъ особое произношеніе въ 1 лицѣ единств. числа изъяв. наклон. настоящего времени глаголовъ на —дѣть и дить въ неопр. наклоненія, напр. *видѣть, водить* и подобныхъ и въ словѣ *барджэй*. Въ данныхъ случаяхъ вмѣсто одного звука *ж* слышится сразу три—*д, ч* и *ж* и при томъ такъ, какъ бы одинъ звукъ. Правда, какой именно звукъ является здѣсь вмѣсто «же», изобразить опредѣленно нельзя, а можно только сказать, что правильнѣе—соединеніе звуковъ *дж*. Правильнѣе потому именно, что при скопомъ съ половиною мягкостью произношенія этихъ трехъ звуковъ, при совмѣстной при этомъ ударяемости ихъ, получается такое именно произношеніе, какое совершается въ устахъ бѣлорусса моей родины.

Звукъ *т* предъ етированными гласными и полугласнымъ *ь* произносится мягче обыкновеннаго, но не какъ *ц*, что мы видимъ въ говорахъ Витебской губерніи по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ лицъ и какъ указываетъ г. Дембовецкой въ своемъ описаніи Могилевской губерніи.

Уяснив произношеніе этихъ звуковъ, мы перейдемъ теперь къ звукамъ: г, к, х, л, с, ф и ѳ, которые въ нижеслѣдующихъ случаяхъ замѣняются другими.

Первые три гортанные *г, к, х* прѣтъ гласными *ъ* и *и* въ дательномъ и предложномъ падежахъ ед. числа по старому—*з, џ, с*, напр. назѣ, абъ назѣ, руцѣ, абъ руцѣ, сасѣ, абъ сасѣ и т. п. Звукъ *л* замѣняется часто звукомъ *в*, какъ косвенно уже указано выше, во первыхъ, когда онъ стоитъ въ среднѣхъ послѣ гласныхъ, во вторыхъ иъ ед. числѣ муж. рода изъяв. наклоненія прошедшаго времени, напр. чавнокъ (челнокъ), хадивъ и т. п.

Звукъ *с*, замѣняется прежде всего звукомъ *з* прѣтъ всѣми звуками въ началѣ словъ, исключая *з, в, п, т, с, ф, х* и *ц*, напр. збавивъ, звалився, згубивъ, здавивъ, злучивъ, змуливъ особенно же передъ звукомъ *д*, и т. д.; потомъ—звукомъ *ш* передъ *ч* напр. шчарую, шшумомъ (съ шумомъ) и т. п. и *ш, ж*, напр. жжалився, жжалабай (съ жалобой) и др.

Звукъ *ѳ* замѣняется двумя звуками *хѳ* въ началѣ и въ среднѣхъ словъ и звукомъ *и* въ среднѣхъ и въ концѣ, напр. хворма, кахвля, Сапронъ и др. Эти случаи замѣны однихъ звуковъ другими всегда неизмѣнны и зависятъ только отъ расположенія ихъ въ словѣ. Что же касается остальныхъ, отнесенныхъ нами къ числу принимающихъ эту особенность, звуковъ *-и, л* и *ч*, то они принимаютъ ее только въ извѣстныхъ словахъ. Такъ звукъ *и* замѣняется звукомъ *л* въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ: Николай, Никита, Нектарій и другихъ: (Миколай, Микита, Миктарій). Звукъ *и* замѣняется звукомъ *ѳ* въ словѣ *копѣя*, особенно замѣчается у бабъ. Звукъ *ч* замѣняется звукомъ *џ* въ началѣ нѣкоторыхъ словъ: пурбанъ, цудо, цотъ и пр.

Таковы фонетическія особенности разсматриваемаго говора. Теперь перейдемъ и прослѣдимъ особенности грамматической стороны его: склоненій, степеней сравненія и спряженій.

Что касается склоненій существительныхъ, то здѣсь замѣчается только слѣдующія особенности: имен. падежъ мн. числа всѣхъ именъ существит. муж. и ср. родовъ всегда имѣть одни и тѣ же окончанія—*ы* для твердыхъ, *и* для мягкихъ, напр. *вордени оровы, сабачки* и др.; дат. пад. того же числа въ нѣкоторыхъ словахъ имѣть окончаніе—*омз*, напр. *купцомз, паномз*; съ предл. *по* употребляется не дат., а мѣстный пад. *по жидѳхъ*, и др.; твор. пад. ед. числа жен. рода употребляется всегда въ сокращенной формѣ, напр. *хвормай, пузіѳй* (фузея) и т. п. (Последняя форма, нужно сказать, вообще преимуществуетъ въ разсматриваемомъ говорѣ).

Склоненіе прилагательныхъ въ общемъ также мало отличается отъ великорусскаго. А именно. Они имѣютъ только въ род. пад. жен. рода ед. числа окончаніе *ыѳ*, въ дат. и твор. падежахъ—*ѳѳ*, въ предложномъ муж. и средн. родовъ ед. числа, какъ выше уже указано,—окончаніе твор. падежа—*ымы*, а жен. рода—окончаніе *ѳѳ* и въ им. падежѣ мн. числа всѣхъ родовъ принимаютъ безразлично окончанія—*и* и *ѳ*.

Склоненіе мѣстоименій имѣть свои особенности.

Что касается личныхъ мѣстоименій, то мѣстоим. 1-го лица—въ род. и вин. падежахъ ед. числа имѣть *мяне*, въ твор. *мноѳ*; 2-го лица—въ род. и вин. имѣть *тябе*, въ дат. *тябѳ*; въ тв. *табой* и предл. *абз тябѳ*; и 3 л.—въ им. падежѣ имѣть *ѳна, яна, яно*,—въ род. *яѳ, яѳ*,—въ дат. *яму, ѳѳ*,—въ предл., *абз ѳмз, абз ѳѳ*,—въ им. мн. числа *яны*,—въ род. *ѳхъ*,—въ дат. *ѳмы*,—въ твор. *ѳми* и въ предл. *абз ѳхъ*. Этотъ образецъ склоненія удерживаетъ и мѣстоименіе возвратное.

Изъ указательныхъ мѣстоименій—«этотъ» прежде всего имѣть ту общую особенность, что впередъ во всѣхъ падежахъ принимаетъ придыханіе *г*, а потомъ въ им. пад. ед. числа муж. рода измѣняется въ *ѳтѳѳѳ* и далѣе склоняется, какъ полное твердое прилагательное, исключая имен. и вин. падежей ед. числа женск. и средн. родовъ, которые остаются въ неполной формѣ—*ѳта* и *ѳто*, *ѳту* и *ѳто*. и именительнаго пад. мн. числа, который оканчивается на *ыѳ*. Мѣстоим.—*тотъ*, также имѣть въ скло-

неніи особенности твердых полных прилагательныхъ, исключая имен. падежа муж-рода ед. числа и множ., гдѣ оно превращается въ *тэй* и *тые*.

Изъ вопросительныхъ мѣстоименій имѣють отличными падежи: *кто*—имен. ед. числа *кто*, *што* и твор. *кимъ*, *чимъ*; *какой*—им. ед. числ. *якій*, =род. и вин-якого, дат. *якому*, твор. *якимъ*. Предл. абъ *якомъ*; и мн. числа им. *якіе*, а остальные падежи имѣють особенности склоненія мягкихъ прилагательныхъ; *чей* имѣеть отличными всѣ падежи ед. числа муж. и средн. родовъ, кромѣ имен. пад. послѣдняго рода, и им. мн. числа, такъ что имен. падежъ будетъ *чій*, род. *чійю*, дат. *чійму*, тв. *чимъ*, предл. *абъ чіемъ* и им. мн. числа *чіе*; что же касается падежей жен. рода, им. падежа средн. рода и другихъ падежей множ. числа, то ихъ особенность сводится къ замѣнѣ звука *ь* звукомъ *і*. Изъ остальныхъ мѣстоименій только неопредѣленное — *тѣкій* имѣеть особенность—вставляетъ *й* послѣ *т*: *тѣкій*.

Числительная имена также имѣють свои особенности, а именно. Одинъ (*адина*) имѣеть въ ед. числѣ тв. и предл. падежа на *ымъ* (*аднымъ*) и во мн. числѣ въ окончаніи всѣхъ падежей — *ы* (*адны*). Двѣ произносятся *оьтъ*. Пять и шесть (шесть) имѣють въ род. дат. кромѣ правильнаго окончанія—и окончаніе *ѣхъ*, въ дат. *ѣжъ*, твор. *ѣми*—*пятьѣмъ*, *шастѣхъ*, *пятъми*, *шестьми*. Семь (*сема*), восемь (*восема*) девять (*девитъ*) и десять (*деситъ*) выбрасываютъ *ь* въ твор. падежѣ предъ *ю* и предложный имѣеть на *ѣхъ*. Девяту, десяту, абъ девятехъ, абъ десятехъ. Всѣ же остальные числительныя согласны въ склоненіи съ великорусскимъ нарѣчіемъ. Кромѣ сказаннаго, нѣкоторыя числительныя, количественныя и порядковыя имѣють особое произношеніе, а именно: *семь* и *восемь* имѣють на концѣ *з*, одиннадцать и двѣнадцать и до девятнадцати включительно имѣють *н* вмѣсто *д* передъ *ц*: одиннадцать, двѣнадцать, тринацать, четырнадцать, пятнадцать, шаснадцать, семнадцать, восемнадцать и девятнадцать, *двадцать* и *тридцать* звукъ *д*—сдвигаютъ въ *ц*, девяносто на мѣсто *е* и конечнаго *о* принимаетъ *ь* и *а*; двадцать, тридцать, девяноста. Первый превращается въ *першій*. шестой—въ *шостый* и сотый въ *стовый*. Но особенно оригинально произношеніе дробныхъ величинъ. Вотъ онѣ: *навпершій*, *навтарá*, *навтраттн*, *навчарта*, *навпятá*, *навшастá*, *навсима* и *наввасьмá*.

Что касается степеней сравненія прилагательныхъ, то сравнительная имѣеть ту особенность, что всегда принимаетъ краткое окончаніе—*й* и не всегда съ однимъ и тѣмъ же предшествующимъ гласнымъ *ь*: вслѣдствіе фонетическихъ правилъ вмѣсто него иногда является «э» послѣ звуковъ—*р* и шипящихъ, напр. *дабрэй*, *лавчэй*, *барджэй*, *хужэй* и т. п. Послѣднее мы видимъ и въ превосходной степени, въ которой еще кромѣ того мы встрѣчаемъ прибавляющуюся частицу «най», напр. *найхушшій*, *найлуччій* и т. п. При этомъ должно замѣтить, что первая степень обыкновенно соединяется съ предлогомъ «за», напр. *луччи за мяе*.

Въ спряженіи глаголовъ замѣчается общая всѣмъ имъ только одна особенность и именно та, что 3 лицо ед. числа и множеств. изъяв. наклоненія наст. времени оканчивается всегда на *тъ*, напр. *ѣнъ ходитъ*, *яны возятъ* и т. п. А такъ называемые *Агинцы*—крестьяне деревень восточной половины волости: Павловичъ, Мартяновичъ и Дарошковичъ,—3 лицо ед. числа оканчиваютъ на *е*, а послѣ шипящихъ, согласна фонетикѣ на *а*, напр. *ѣнъ еде*, *ѣнъ пиша*. Въ частности, глаголъ *имѣть* въ данномъ говорѣ превращается въ *мѣтъ*, отъ чего образуются всѣ другія формы (*и отбрасывается вездѣ*), и въ изъяв. накл. наст. времени—въ *маю*, *маишь* и т. д. Глаголъ *въсть* имѣеть повел. наклоненіе *въжь-те*. Другихъ особенностей какихъ-либо рѣдкихъ, независящихъ отъ правилъ фонетики, въ спряженіи мы не встрѣчаемъ.

Теперь сдѣлаемъ краткое замѣчаніе и относительно лексической стороны говора. И именно то, что онъ принялъ въ свой словарь много словъ чужихъ—преимущественно польскихъ, причѣмъ многія изъ нихъ комически измѣнилъ, напр. *пузія*, *атжелзамъ*, *маспанъ*, *крамзель* и др. Но всѣхъ ихъ мы не станемъ перечислять по причинѣ ихъ обилія. Этими мы и закончимъ нашъ очеркъ, а въ заключеніе представимъ образчики нашего говора.

Разсказъ.

Русалки чаразъ мяжу ня могутъ хадить, аттаго вывались. бо тяперь, парэй таго нябожа, вся змля пирамѣрана. А у пародѣ (прежде), якъ йна ня мѣрына былд, йхъ, былд много. У лѣси дыкъ ноччу только и чуто: гу, гу!.. Ажъ сумно. Давно, якъ казалл старики, двѣюхъ привадили й къ намъ у дярвеню.

Яны ничога ни гаворуть, только плачуть й плачуть, ракой слиза йлѣдца, пакулъ пусьтють. А якъ пусьтють. тады запяеть, ды у лѣсь.

П ѣ с н ь.

А чїя гѣта мати
Па вулицы ходить.
А сусѣдычкѣ просить:
Милые мам сусѣдычки!

А хадите вы ка мнѣ
Ды къ маму дитятя
Каравай качати.

Въ одной деревнѣ со мной живеть крестьянинъ Леонъ Елисеевъ Лихачевъ. Лѣтъ 40, почти слѣпой, совершенно неграмотный, народный увеселитель, онъ является вечеромъ въ сборную избу парней и дѣвокъ, стариковъ и старухъ. Шумнымъ бываетъ всегда его приходъ. «Дядька Лявонъ, дядька Лявонъ!»—кричатъ со всѣхъ сторонъ,—«разскажи намъ, што на бѣламъ свѣти дѣицца». Шумъ быстро смѣняется глубокой тишиной. «Дядька Лявонъ», усѣвшисъ на лавкѣ, тихимъ полутонкимъ голосомъ начинаетъ своимъ обыкновеннымъ предисловіемъ о томъ, что все будетъ сказывать правду, и потомъ рисуеть въ рѣчицкой формѣ все подмѣченное имъ раньше и подслышанное современное.

«Казать сказки я ня имѣю, — такъ начиняеть онъ, — а разскажу, якъ тяперъ на бѣламъ свѣти што дѣицца.

1. Тяперъ наставъ свѣтъ таковъ,
Што на свѣти мало дураковъ.
Бога за Бога ни мають,
За неправду прысягають.
Сынъ батьку зниважаеть,
Ды еще за лабъ патрасаеть.
Братъ брата ни майт за брата,
Дыкъ клядбы повна хата.
Систра на сястру,
А дачка на матку,
Съ тебе, гаворить, старая стерва
Нима парадку.
А якъ висна настанеть,
2. Тады горшая сварка настанеть.
Приходитъ сусѣдъ ды къ сусѣду и
гаворить:
Што, пане Якиме,
Будимъ Богу малицца хотъ къ мякнѣ
—бо вжо хлѣба нима.
А якъ толка восенью хлѣба набивъ,
Такъ и на Бога забывъ.

«Ойчѣ» нашъ труеть змалвсья,
А въ небѣ свента й забывсья.
Хлѣба сколько намалотить,
То все ву каршму завалочить.
Заллеть вочи гарѣлкой,
Ды й прыдить дамовъ ноччи,
Дома стануть сварицца,
А енъ тады й бицца.
Мавчать! я хазяинъ,
Й старавсья!
За другимъ разамъ пойдить,
Гарѣлки напѣеца,
Ды дарогай павалицца,
Памарозить руки й ноги,
Тады й вѣчный убогий.
Якъ у насъ старый Варамей
Ды задумавъ жанить сына Сапрона,
А взять сабѣ дачку за нявѣстку
Куллину у Гапона.
А Кузьму хатѣвъ за свата взять.
Приходитъ къ яму Исакъ,

—ды гаворыть:
«Стой, братъ, ни такъ!»
Я думаю, кабъ Грышку за свата взять:
У яго калтуны висять;
Гэта—харошый свать.
Паслать треба мальчышку за Грышкомъ.
Паслала мальчышку за гэтымъ Грыш-
камъ.
—Што да мяне за прытэнсію маишь,
Што за мной мальчика пасылаешъ.
А нашъ старый Варамей атвѣчаетъ:
—Што я ни прытэнсію маю,
А интэрасъ да тебе маю:
За табой мальчика пасылаю.
Хачу жанить сына Сапрона
И взять нявѣстку дачку Кулину у
Гапона,
Хачу тебе за свата взять,
Бо у тебе калтуны висять.
А енъ кажить: «баюся,
У сваты ни пайду: шарують».
А Исакъ ды й гаворить:
«Ня бойся—ни шарують.
Я атъ гэтаго што знаю,
То й табѣ нараю.
Чаразъ парогъ парястунай,
Дыкъ на качаргу ступай.
Въ суботу ни рано сонце за лѣсъ
заходить,
Грышка въ сваты приходить
Чаразъ парогъ ступантъ
И на качаргу ступантъ...
Дыкъ гэта качарга цавѣмъ якъ за-
махнула,
Якъ дастъ яму на лбу й па насу.
Разбила яму лобъ и носъ,
Ажъ енъ кудлаши затресь.
Тады гэтый Грышка зъ бою утаився,
Чутъ къ лавцы привалился

Здѣсь еще не конецъ. Но миѣ не прислали изъ дому: не отыскали среди моихъ книгъ. Обѣщаю доставить конецъ и еще многое, если понадобится, такъ какъ я во время прошлыхъ каникулъ многое записалъ.

Долженъ еще прибавить, что содержаніе приведенныхъ и другихъ, имѣющихся у меня, не вымышленное, а имѣетъ себѣ соответствующее во многомъ, или даже въ большинствѣ, въ самой дѣйствительности.

И на сватавство забывся...
А патомъ Грышка троху ачухався,
алюхався,
Рашицебався ня хужи соловыя...
Атварачываецца Гапониха да Гапона:
Глядика,—кажить,—Гапонъ!
Держысь свайго закона.
Мала што будуть сваты гаварыть,
А дачку дарамъ нядавай.
Тады Гапонъ атварачываецца къ пецы
вачымя,
А на хату плячымя,
И табаку у трубку накладаетъ
И сватовъ у енью атсылаетъ.
Тады гэтые сваты тры дни плечы абъ
глыну били,
Пакуль высватали Кулину.
А за тры дни яны такъ згаладали,
Что Грышка ды гаворить у Исака:
«Ня будить тыперь пардетъ твоя срака».
А Исакъ ды гаворить да Грышки:
«Вытаргала ня худа й твае кишкя».
Патомъ ужо прышли яны дамовъ.
Кулину высватавши.
И пасылаетъ Варамей ды Грышку папа
гадитъ.
А Грышка гаворить: ни пайду папа
гадитъ, баюсь: шарують.
А Варамей ды й гаворить:
Ня бойся, ни шарують
Што знаю, то й табѣ нараю.
Зачапи, гаворить, жарновыи камень
за плечы,
Вазьми грамиичную свѣчку
Й хлѣба пиршечку,
Лапти къ поясу привяжи,
Хто будить пытацца, ни кажи,
Разгаворѣвъ ня съ кѣмъ ня мѣй.

Андр. Романовъ.